

В тот день Гуань Хаобинь отработал только до обеда. Выдавшаяся свободной вторая половина дня томила его скукой, и от нечего делать он сел за руль и покатыл на завод стройматериалов «Горный Ветер».

Его кузен, генеральный директор Тан Шаочуань, уехал в командировку прощупывать иногородние рынки, так что все дела на предприятии временно легли на плечи Лю Сымяня. Но стоило Хаобиню переступить порог и увидеть приятеля, как он так и застыл на месте от изумления.

— Ты где умудрился побывать? — вытаращился он на Сымяня. — В Афганистане или сразу в Израиле?

— Да уж, стыд и срам... — неловко ухмыльнулся Лю Сымянь. Лицо его пестрело синяками и ссадинами, а левая рука покоилась на марлевой повязке, перекинутой через шею. — Жертва домашнего насилия, как есть жертва.

— Тебя что... подружка так разукрасила? — подозрительно прищурился Хаобинь.

— Да какая подружка, я один как перст! Когда это ты у меня девчонку видел? — поспешил оправдаться Сымянь. — Это мой второй брат приложился. Удружил, так сказать.

— Ого! Всего две недели не виделись, а тебя уже превратили в отбивную, — подколот его Хаобинь. — Пути господни неисповедимы. Правду говорят: за всё в этой жизни приходится платить.

— Сразу видно верного друга — хлебом не корми, дай поглумиться, — Сымянь попытался улыбнуться, но тут же поморщился от боли.

— И ведь не пожалел сил. За что он тебя так? Что за смертные обиды между братьями? — Хаобинь подошёл поближе и бесцеремонно ткнул пальцем в распухший, посиневший уголок губы Сымяня. Тот со свистом втянул сквозь зубы холодный воздух. — И впрямь настоящие. А я уж подумал, грим наложил для солидности.

— Молодой господин Гуань, по-твоему, я тут комедию ломаю? — хмыкнул Сымянь, не зная, то ли злиться, то ли смеяться. — Хочешь, я повязку сниму, чтобы ты воочию убедился?

— Да ладно, неужели правда брат отделал? — всё ещё сомневался Хаобинь.

— Стал бы я тебе врать. Стыдно признаться, но силёнок не хватило, вот и огрёб по полной, — прошипел Сымянь, баюкая ушибленную челюсть.

— Да ну, не сходится. Твой второй брат что, когтями дерётся? На шее-то у тебя чистейшие царапины, — Хаобинь, обладавший профессиональной наблюдательностью полицейского,

принялся пристально разглядывать воротник приятеля. Под предлогом дружеской заботы он потянулся пальцем к покрасневшей коже и медленно провёл по полосам, якобы проверяя раны, а на деле просто пользуясь случаем потрогать чужое тело.

— Это... это не брат. Это матушка расцарапала, — Сымяню стало не по себе от столь интимного прикосновения, и он слегка отстранился. — Да и руку мне не брат сломал. Отец подловил момент, зашёл со спины и ка-а-ак даст... В общем, под горячую руку я ему попался, он мне кость и приговорил.

— Да что ж ты за чудовищное преступление совершил, раз на тебя ополчилось всё семейство? — неподдельно изумился Хаобинь.

— Да пустяки на самом деле. Родители заставляют жениться, а я упёрся рогом. Вот и довёл их до белого каления, — небрежно отмахнулся Сымянь.

— Что за бред? — хмыкнул Хаобинь. — Из-за нежелания жениться так не калечат. Тебя лупили, словно вора, которого поймали на краже скота!

Сам Хаобинь рос в холе и неге, родители в нём души не чаяли, так что жестокие методы воспитания в семье Лю просто не укладывались у него в голове.

— Эх, дружище, ты у своих родителей — драгоценный кроха, пылинки с тебя сдувают. Откуда тебе знать, каково мне? В моём роду все поголовно упрямцы и тираны, — пожаловался Сымянь с унылой миной.

— Рассказывай сказки! Наверняка ты выкинул что-то совершенно несусветное и довёл стариков до отчаяния. Мой отец говорил, что твой батюшка — человек исключительно мягкий, благообразный и полный достоинства.

— Ширма это всё, дешёвый фасад! — в сердцах выпалил Сымянь, вовсю костеря собственного родителя. — На людях он, конечно, весь из себя благопристойный господин, а дома — форменный помещик-крепостник, кровопийца и деспот!

— Кто ж так об отце отзывается? За один твой длинный язык тебя точно стоило выпороть, — расхохотался Хаобинь. — Ладно, раз уж тебя так разукрасили, сидел бы дома да раны зализывал. Чего на люди показываешься в таком виде? Не боишься растерять статус записного красавчика?

— Нельзя мне дома сидеть. Гендиректор Тан в разъездах, кто-то же должен держать руку на пульсе. К тому же сегодня нужно принять нескольких важных клиентов.

— Какая похвальная верность долгу, — Хаобиню стало немного жаль приятеля, чья некогда привлекательная физиономия сейчас напоминала свиной пятачок. — Слушай, может, съездим

к моему старшему брату Дину? Пусть осмотрит тебя.

— К доктору Дин Мо? Нет-нет, ни за что! — Сымянь замахал уцелевшей рукой.

— Ты чего? Такой здоровый лоб, а уколов боишься? — Хаобинь заговорил с ним примирительным тоном, каким обычно успокаивают капризных детей. — Я без ложной скромности скажу: брат Дин — врач от бога. У него не только руки золотые, но и сердце чуткое, его все пациенты боготворят. Уж поверь, если даже придётся делать укол, он сделает это так нежно, что ты и пикнуть не успеешь. Я на собственной шкуре проверял, честное слово!

— Да дело вовсе не в уколах, — Сымянь запнулся, а затем заговорщически понизил голос: — Скажи честно, доктор Дин ненароком не враждует с нашим гендиректором Таном?

— Что за бредни? Кто тебе такую глупость нашептал? — округлил глаза Хаобинь.

— Ну как же. Они ведь при каждой встрече готовы друг другу глотки перегрызть. То один съязвит, то другой уколёт — чистой воды кровная вражда. Я их ни разу не видел нормально разговаривающими. Если я явлюсь к доктору Дину лечить побои, он же сразу вспомнит, что я работаю на Тан Шаочуаня. И каково мне тогда придётся?

— А, ты об этом! — Хаобинь покатился со смеху. — Да у них просто манера общения такая, не бери в голову. Никакой вражды там и в помине нет. Напротив, они отличные друзья, готовые расшибиться в лепёшку, если у кого-то из них случатся неприятности. А бесконечные подколки и взаимные нападки — это их особый, извращённый способ проявлять дружеские чувства.

— Надо же, какие высокие отношения, — хмыкнул Сымянь.

— Ну так что, едем к брату Дину?

— Да нет, не нужно. Раны пустяковые, в больнице меня уже осмотрели. Похожу недельку-другую с повязкой — и всё заживёт как на собаке.

— И всё-таки, колись: за что конкретно тебя так приложили? — любопытство Хаобиня разгорелось с новой силой.

— Я же сказал уже. Они хотят меня женить, а я упёрся.

— Не вешай мне лапшу на уши, — Хаобинь закатил глаза. — Держишь меня за идиота? Да где это видано, чтобы родители превращали собственного сына в калеку только потому, что тот не хочет идти под венец?

— Эхе-хе... — Сымянь смущённо кашлянул. — Ну, если начистоту... Я подхватил одну хворь, из-за которой жениться мне никак нельзя. Пытался им объяснить — куда там! Слушать ничего не хотят, тащат в загс силком. Но посуди сам: разве могу я сгубить невинную девушку? Это же грех на душу брать, подлость чистой воды!

— Звучит благородно, ничего не скажешь, — заинтригованный Хаобинь подался вперёд. — И что за болезнь такая секретная? Почему я о ней впервые слышу?

— Ничего хорошего в ней нет, братец Гуань, так что тебе лучше не забивать себе голову, — уклончиво ответил Сымянь.

— Ну ладно, раз уж это такая великая тайна, настаивать не буду, — примирительно поднял руки Хаобинь, но тут же добавил с самым серьёзным видом: — Но ты хоть скажи, эта твоя зараза передаётся? А то общаемся тут, не ровён час подхвачу её, и пиши пропало.

И надо признать, опасения Хаобиня были не такими уж беспочвенными. Забегая вперёд, стоит отметить, что в данном вопросе молодой полицейский проявил поразительную проницательность — и, увы, накликал на себя беду своим длинным языком.

— Кто знает, — подмигнул ему Сымянь, явно дурачась. — Может, и передаётся. А может, пронесёт. Тут всё зависит от твоего иммунитета.

Поняв по шутливому тону приятеля, что никакой смертельной чумы у того нет, Хаобинь напустил на себя суровость:

— Ну и катись ты со своими секретами. С сегодняшнего дня держись от тебя на почтительном расстоянии. Ближе чем на десять метров не подходи! Иммунитет у меня слабый, ещё подцеплю твою загадочную заразу.

Улица Хуайинь, дом 39, магазин постельных принадлежностей «Сухуа»

Лю Гопин, Ма Сухуа и их племянник Лю Сии хлопотали в торговом зале, упаковывая и складывая в коробки рулоны тканей и готовые комплекты. Ма Сухуа твёрдо вознамерилась развернуть торговлю на новом месте — в посёлке Панью.

— Тётушка, а мы не перегнули палку? — спросил Лю Сии, укладывая в коробку стёганое покрывало. — Пятый брат сейчас выглядит краше в гроб кладут, живого места на лице нет, прямо как побитый гоминьдановец.

— Ничего с ним не сделается. Поделом паршивцу, сам напросился, — отрезала Ма Сухуа, даже не повернув головы.

— И всё-таки совесть меня гложет, — вздохнул Сыи, качая головой. — Мы ведь с ним всегда ладили. А теперь он, небось, затаил на меня смертную обиду и до конца дней слова доброго не скажет.

— Подумаешь, барин какой! Не хочет общаться — скатертью дорога! Он нам не президент страны, чтобы мы перед ним на задних лапках ходили. Тоже мне, благодетель выискался, — проворчал Лю Гопин, в голосе которого всё ещё сквозило раздражение.

— Старый ты хрыч, молчал бы уже! — напустилась на мужа Ма Сухуа. — Напал на собственного сына со спины, у самого седина в бороду, а ума не нажил. Позор на весь белый свет! Не сломал бы ты ему руку, у нас бы сейчас был лишний рабочий рот товар таскать.

— Кто бы говорил! Сама его расцарапала так, что живого места на шее не оставила, — огрызнулся Гопин. — Помог бы он нам, как же, держи карман шире! С тех пор как этот бездельник устроился в свой «Горный Ветер», его в лавке днём с огнём не сыщешь.

— А у пятого брата и впрямь жалованье больше десяти тысяч в месяц? — с сомнением спросил Сыи.

— Платят-то исправно, мой ученик Тан парень не скупой, — вздохнул Лю Гопин. — Да только Сымянь на этой работе совсем завертелся, все силы там оставляет. Боюсь, он уже сто лет за тренировки не брался. Если отец об этом узнает, шкуру с него спустит.

— Ну, большие деньги просто так не даются, — усмехнулся Сыи. — Я вот тоже с утра до ночи кручусь как белка в колесе, а за три-четыре года не заработаю столько, сколько он за один год получает.

— Тоже сравнил! Разве жизнь в нашей глуши сравнится с городской? В городе за каждый чих платить надо, а у нас в деревне всё своё, с огорода. Если ты за год тысяч сорок-пятьдесят чистыми приносишь — это уже богатство, — обернулась к нему Ма Сухуа. — К тому же, сколько бы этот паршивец ни заколачивал, мы с отцом от него ни единого гроша не видели. Всё до копейки у себя зажимает.

— Молодёжи сейчас в городе несладко приходится. Свить своё гнездо — дело дорогое. Слышал я, свадьбы нынче в копеечку влетают. Может, брат просто копит, чтобы невесту в дом привести, — примирительно предположил Сыи.

— Невесту? Ха! Да мы за то его и поколотили, что никакой невесты не предвидится! Забудь об этом, — безнадежно махнул рукой Лю Гопин. А затем зыркнул на племянника: — А ты, охламон, тоже хорош! Обычно у тебя кулаки так и летают, а тут дрался как сонная муха. Не мог посильнее приложить мерзавца, чтобы проучить как следует? Я потому и не выдержал, пнул его исподтишка, что смотреть на твои невнятные поглаживания тошно было.

— Так ведь... дедушка Лю и мой отец мне строго-настрого наказали, — замялся Сыи. —

Говорили, мол, сначала попробуй вразумить по-хорошему. А если упрётся — разыграйте спектакль, покажите, как вы рассержены и разочарованы, побейте его слегка для остротки, но палку не перегибайте. Нельзя, дескать, загонять парня в угол.

— Разыграть спектакль? — Лю Гоин так и застыл с зажатым в руках тюком, недоумённо уставившись на жену. — Это что ещё за новости? Что значит «побейте слегка»? Старший брат и отец совсем из ума выжили? Они что, не понимают, насколько опасна эта его душевная проказа?

— Откуда мне знать, что у этих старых лисов на уме! — раздражённо фыркнула Ма Сухуа.

— Мне кажется, всё дело в нашей тёте, — почесал затылок Сии.

— А с твоей тёткой-то что не так? — опешил Гоин.

— Так она же чуть не сделала дядюшку Ляньюаня калекой. Дедушка, верно, побоялся, что мы тоже не рассчитаем силу и покалечим Сымяня, — уверенно заявил Сии.

И в его словах был резон. Тётушка братьев, Лю Гоин, с самых малых лет тренировалась бок о бок с отцом и братьями. Боец она была отменный, но вот характер имела поистине чудовищный — настоящая фурия в юбке.

У неё было двое сыновей. Старший, Чжао Хуахуа, женился рано и обзавёлся тремя дочерьми. Однако Лю Гоин, страстно мечтавшая о внуке, невзлюбила невестку и изводила её бесконечными придирками и злыми упрёками. В конце концов несчастная женщина не выдержала тирании свекрови и подала на развод. После этого скандала дурная слава о злобной свекрови разнеслась по всей округе, и ни одна местная сваха больше не соглашалась подыскать Чжао Хуахуа новую невесту. Так он и остался бобылём, в одиночку поднимая троих дочерей.

Из-за этой репутации семейки младший сын, Чжао Цзяньфэн, тоже никак не мог найти себе пару. Муж Лю Гоин, Чжао Ляньюань, из-за этого регулярно пилил благоверную, обвиняя её во всех смертных грехах.

В прошлом году тридцатилетний Цзяньфэн, работавший на заработках в городе, наконец-то привёз домой невесту из другой провинции. Радости Чжао Ляньюаня не было предела. Он тут же шёпотом предупредил жену, чтобы та вела себя тише воды, ниже травы и не смела косо смотреть на гостью. Лю Гоин и сама была рада за сына, но удержать свой ядовитый язык за зубами просто не могла. Стоило бедной девушке переступить порог, как потенциальная свекровь, не дав той даже перевести дух, разразилась длинной нотацией о домашних правилах, устоях и обязанностях будущей невестки.

Чжао Ляньюань только за голову хватался от ужаса. Когда Лю Гоин ушла на кухню готовить обед, он последовал за ней и принялся вполголоса отчитывать её за глупость. Разозлённая

хозяйка огрызнулась в ответ, требуя замолчать. Но Ляньюань, слишком сильно переживавший за личную жизнь младшего сына, от волнения напрочь позабыл об осторожности. Он не внял предупреждению и продолжил бубнить под руку. Лю Гоин, как раз подбрасывавшая дрова в печь, окончательно потеряла терпение. Она резко развернулась и со всей силы приложила мужа ногой.

Удар у неё был поставлен профессионально. Ляньюань кубарем вылетел из кухни прямо во двор.

Хоть Ляньюань и приходился зятем Лю Гопину, по возрасту он был старше его — разменял седьмой десяток. Старые кости не выдержали такого полёта, и бедолага сломал ногу в бедре. Почти целый год он пролежал пластом, прежде чем снова смог самостоятельно подняться.

Когда весть о семейном побоище дошла до клана Лю, старый глава Лю Даошоу пришёл в неистовство. Не дожидаясь, пока родственники пострадавшего зятя придут жаловаться, он взял своего старшего сына Лю Гошэна и лично отправился в дом Чжао учинять расправу. Восьмидесятилетний старик собственноручно выпорол свою без малого шестидесятилетнюю дочь. Пожилая женщина удирала от разгневанного отца по всей деревне, визжа и уворачиваясь от ударов, словно побитая собака. Это представление ещё долго смаковала вся волость Паньсю.

К всеобщему удивлению, невеста Чжао Цзяньфэна, Мао Шуйпин, оказалась девушкой с характером загадочным: вместо того чтобы бежать без оглядки от такой сумасшедшей свекрови, она не только не бросила жениха, но и вскоре вышла за него замуж. Мало того, невестка со свекровью на удивление быстро спелись и стали жить душа в душу, словно родные мать и дочь. Девушка даже отказалась ехать с мужем на заработки в город, оставшись дома, чтобы ухаживать за покалеченным свёкром. Окружающие только диву давались, глядя на эту идиллию.

— Ну, мы-то до твоей бешеной тётки не опустимся, — покачал головой Лю Гопин. — У неё характер — врагу не пожелаешь, чистая ведьма. Повезло ещё, что невестка ей попалась покладистая да жалостливая, другая бы на порог этого дома не ступила. Но всё равно не верю я, что отец со старшим братом испугались, будто мы этого оболтуса Сымяня зашибём. Тут явно кроется что-то другое.

— И что же это может быть? — спросил Сии.

— Сам ума не приложу, — нахмурился Лю Гопин. — Вернёмся в деревню — расспрошу отца как следует. Я уже сколько раз с твоим батей по телефону говорил, и каждый раз меня не покидало ощущение, будто они от нас что-то скрывают.

— А может, они, как и я, наконец осознали, насколько серьезна эта его беда? — тяжело вздохнула Ма Сухуа.

— О какой беде вы говорите? — любопытствовал Сии.

Тогда Ма Сухуа, не таясь, в красках выложила племяннику всё, что ей удалось разузнать о мужской однополой любви.

— Да ну... Неужели всё действительно так страшно? — округлил глаза Сьи, у которого подобные вещи в голове просто не укладывались.

Ма Сухуа снова горестно всхлипнула и утёрла ладонью набежавшие слёзы:

— Ну а как ты хотел? Не можем же мы его до конца дней колотить при каждой встрече. Сьи, сынок, надо нам что-то решать. Может, отвести его к врачу да оскопить к чёртовой матери? Пусть евнухом станет, зато живым останется!

— Неужто от этой напасти и впрямь умирают? — всё ещё сомневался Сьи.

<http://bllate.org/book/18980/1950784>